

Юлия Никитина

ОДКБ и ШОС КАК МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СФЕРЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В последние годы постсоветское пространство можно считать единым международно-политическим регионом уже с некоторой натяжкой: самоидентификация отдельных государств происходит не по региональному, а по субрегиональному принципу, причем отдельные страны СНГ часто относят себя более чем к одному субрегиону, что позволяет им проводить многовекторную политику балансирования между интересами различных региональных держав. Вписываются в эту тенденцию и стратегии участия государств СНГ в схожих по составу и функциям региональных организациях и форматах сотрудничества. Так, Россия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан одновременно состоят в Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС)¹, которые имеют во многом совпадающие цели.

Конечно, ОДКБ представляет собой в чистом виде организацию безопасности, эволюционирующую от военного-политического блока к многофункциональной организации безопасности, в рамках же ШОС, кроме измерения безопасности, активно развивается и экономическое сотрудничество. Тем не менее, значительное совпадение декларируемых обеими организациями целей сотрудничества в сфере борьбы с так называемыми *новыми* вызовами и угрозами, казалось бы, создает необходимость разграничения функций и гармонизации деятельности ОДКБ и ШОС на постсоветском пространстве в целом и в Центральной Азии в частности. Так, на проблему функционального пересечения многочисленных форматов сотрудничества на постсоветском пространстве неоднократно указывал президент Узбекистана И.А. Каримов, объясняя этим прохладное отношение своей страны к региональному сотрудничеству в целом и в рамках ОДКБ в частности.

Вместе с тем, на деле сотрудничество между ОДКБ и ШОС ограничивается лишь подписанным в октябре 2007 г. после трехлетних согласований Меморандумом о взаимопонимании между Секретариатами организаций. В документе указаны сферы взаимного интереса ОДКБ и ШОС: обеспечение региональной и международной безопасности и стабильности; противодействие терроризму; борьба с незаконным оборотом наркотиков; пресечение незаконного оборота оружия; противодействие организованной транснациональной преступности. Отметим, однако, что речь в меморандуме идет не о сотрудничестве между ОДКБ и ШОС, а о координации работы между секретариатами организаций, что значительно снижает ценность данного соглашения, так как не создает механизмов для решения проблем параллелизма в их деятельности.

Интересно, как сами представители организаций относятся к проблеме пересечения функций. Генеральный секретарь ОДКБ Н.Н. Бордюжа неоднократно заявлял о необходимости взаимодействия с ШОС, в частности, по вопросам борьбы с наркоугрозой из Афганистана, а также говорил о возможности проведения совместных военных учений. В сентябре 2010 г. в Казахстане на полигоне Матыбулак прошли учения ШОС «Мирная миссия-2010», в которой приняли участие около 5 тыс. военных из Казахстана,

Китая, Киргизии, России и Таджикистана². Месяцем позже, в октябре 2010 г., на российском полигоне Чебаркуль были проведены учения коллективных сил оперативного реагирования (КСОР) ОДКБ в составе контингентов из России, Армении, Казахстана, Киргизии и Таджикистана общей численностью 1,7 тыс. военнослужащих³. Напомним, что в октябре 2009 г. для участия в первых учениях КСОР были привлечены порядка 7 тыс. военнослужащих из тех же стран⁴. При почти совпадающих сроках проведения совместные учения ОДКБ–ШОС позволили бы странам-участницам существенно сэкономить, тем более, что сценарии учений обеих организаций не первый год практически идентичны – замысел, как правило, включает блокирование и ликвидацию бандформирований, которые проникли на территорию страны с целью свержения власти. Интересно отметить, что в сценарии ШОС было предусмотрено обращение страны-жертвы нападения боевиков к ШОС и получение санкции ООН на операцию⁵. Включение этого пункта в сценарий тем более удивительно, что ШОС, в отличие от ОДКБ, не имеет специальных сил быстрого реагирования и вообще в целом не позиционирует себя как военную организацию, хотя и проводит многочисленные двусторонние и многосторонние военные учения.

ПОЧЕМУ КИРГИЗИЯ НЕ ДОЖДАЛАСЬ ПОМОЩИ?

Несмотря на отработку практических навыков по ликвидации стремящихся к смене государственной власти бандформирований, на практике ни ОДКБ, ни ШОС не отозвались на призыв Киргизии ввести контингенты в ходе революционных событий в этой стране весной и летом 2010 г., объяснив это нежеланием вмешиваться во внутренние дела государства. Так, в Декларации Ташкентского саммита ШОС (10–11 июня 2010 г.) была сформулирована следующая позиция: «В свете событий в Кыргызской Республике государства-члены подтверждают принципиальную позицию о взаимной поддержке государственного суверенитета, независимости и территориальной целостности. Они выступают против вмешательства во внутренние дела суверенных государств, а также действий, способных вызвать напряженность в регионе, за разрешение любых разногласий исключительно политико-дипломатическими методами путем диалога и переговоров»⁶.

ОДКБ была готова вмешаться в схожие события в Киргизии в 2005 г., однако бывший в тот период президентом страны А.А. Акаев от помощи отказался. А формально ОДКБ может вмешаться в конфликт только при запросе со стороны государства-члена: с правовой ОДКБ является, прежде всего, организацией коллективной обороны против внешних угроз, которая не обязана заниматься урегулированием внутригосударственных конфликтов своих членов. На революционные события 2010 года ОДКБ отреагировала приятием 8 мая 2010 г. на неформальном саммите⁷ в Москве декларации, в которую по предложению Белоруссии была включена формулировка о «неконституционной смене власти», что несколько обидело Киргизию. Организация предоставила Киргизии техническую и гуманитарную помощь, но не пошла на военное вмешательство, чему есть разные объяснения. По словам генерального секретаря Н.Н. Бордюжи Киргизия обратилась с просьбой о вмешательстве не в ОДКБ как организацию, а напрямую к России, при этом через несколько дней после обращения временное правительство отозвало просьбу. ОДКБ же готова была предоставить контингенты, но не имела формального повода для вмешательства без официального обращения со стороны государства-члена. По другой версии временное правительство все-таки обратилось именно в ОДКБ с просьбой ввести миротворческий контингент после беспорядков на юге Киргизии в июне 2010 г., однако организация из-за отсутствия консенсуса отказалась.

Вместе с тем, процессы стабилизации обстановки в Киргизии были обсуждены на неформальном саммите ОДКБ в Ереване в августе 2010 г., было принято решение о разработке поправок в уставные документы для создания более эффективного механизма кризисного реагирования ОДКБ для действий в схожих ситуациях в будущем. Соответствующие изменения были внесены в Договор о коллективной безопасности и Устав на сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ 10 декабря 2010 г. в Москве. Так, в главу 8 Устава ОДКБ было внесено положение о том, что государства-члены «прини-

мают меры к созданию и функционированию в рамках Организации системы реагирования на кризисные ситуации, угрожающие безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитету государств-членов»⁸. Таким образом, ОДКБ получает правовую основу для реагирования не только на внешние угрозы суверенитету, но и на внутригосударственные кризисы. Кроме того, теперь в случае спорных ситуаций ОДКБ сможет обходить принцип обязательного консенсуса при принятии решений, так как организация переходит на принятую в СНГ схему, при которой голосуют только заинтересованные в конкретном вопросе государства-члены.

ОДКБ: НЕЗАПАДНАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ?

Впрочем, следует отметить, что нежелание вмешиваться во внутренние дела государств-членов характерно не только для ОДКБ и ШОС, но и для целого ряда *незападных* региональных организаций. Это показало исследование неевропейского регионализма, выполненное под руководством А. Ачарии и Э. А. Джонстона⁹. Основной тезис авторов сводится к тому, что механизмы и структура организации (или *институциональный дизайн* в терминологии авторов) отвечают потребностям государств, формирующих данное объединение. Соответственно, эффективность деятельности региональной организации должна анализироваться именно с этих позиций потребностей и интересов государств, а не при помощи сравнения с *идеальной моделью* – Евросоюзом или НАТО.

Авторы исследования, проведя сравнительный анализ институтов и структур – Организации африканского единства/Африканского союза; АСЕАН/АРФ; НАТО/ЕС, Организации Американских государств; Лиги арабских государств – пришли к следующим основным выводам¹⁰. В развивающемся мире для региональных организаций нормативные соображения и идеи имеют большее значение, чем функциональный подход, то есть изначально структура региональных организаций определяется не необходимостью совместного решения проблем (общая внешняя угроза, либерализация торговли и тому подобное), а разделяемыми подходами относительно суверенитета, выживания режимов, невмешательства и так далее. Институциональная структура НАТО, напротив, изначально создавалась именно исходя из функциональных соображений.

И действительно, представляется, что стимулом сотрудничества в рамках ДКБ в 1990-е гг. для его членов было скорее стремление сохранить остатки советской ценностно-идеологической общности, чем потребность в отражении внешних угроз, что объясняет неразвитость функциональности механизмов ДКБ в данный период. Именно новая ценностно-идеологическая ориентация Молдовы, Туркменистана и Украины привела к смене приоритетов по отношению к ДКБ после распада СССР. Отсутствие интереса к функциональному наполнению ДКБ привело к его многолетнему *простоя*, а смена внешнеполитической ориентации Грузии, Азербайджана и Узбекистана к концу 1990-х гг. также предопределила их выход из Договора.

После создания ОДКБ изменяется соотношение функционального и нормативного наполнения деятельности структур. При растущей многовекторности политики всех государств-членов, включая Россию, а особенно стран Центральной Азии, нормативное измерение и наличие общей институциональной идентичности становятся относительно менее значимыми. В то же время активно развивается функциональное измерение, во многом по случайной траектории, *переваривая* доставшиеся от СНГ направления (миротворчество) и механизмы.

Как показывает исследование Ачарии и Джонстона, чем менее устойчивы внутриполитические режимы, тем меньше полномочий для вмешательства во внутренние дела имеют региональные организации. Недемократические режимы в развивающихся странах рассматривают членство в региональных организациях как возможность обеспечить выживание режима. Замысел и структура региональных институтов в развивающемся мире нацелены скорее на *сохранение* суверенитета, чем на его *размывание*. В частности, такие региональные организации основаны на принципах невмешательства во внутренние дела, территориальной целостности, включая сохранение постколониальных границ, а целью их является сохранение независимости государств-членов. Однако

по мере развития региональные организации могут сталкиваться с новыми задачами, например, необходимостью гуманитарной интервенции. В таких случаях изначальный замысел институтов вступает в противоречие с вызовами времени и ограничивает возможности вмешательства во внутренние дела, препятствуя эволюции организаций.

Указанные особенности в полной мере характерны и для ОДКБ: практически сразу после создания Организации ДКБ в 2002 г. общая ориентация ее членов на невмешательство во внутренние дела и стремление России поддерживать лояльные режимы вошли в противоречие с новыми задачами в сфере безопасности (в частности, речь идет о так называемых *цветных* революциях), что привело к парадоксальному результату, когда при наличии механизмов (коллективных сил быстрого разветвления Центральноазиатского региона, КСБР) и желания сохранить режимы отсутствуют возможности вмешательства во внутренние дела (КСОР также изначально не планируется применять во внутригосударственных конфликтах). То есть нормативные установки государств-членов вступают в противоречие с объективными потребностями эволюции организации. А ведь именно отсутствие реальных действий и результатов по урегулированию конфликтов, в том числе и внутривнутриполитических, считается западными организациями, прежде всего, ЕС и НАТО, признаками неэффективности ОДКБ, что приводит, среди прочего, к их нежеланию устанавливать официальные контакты на уровне организаций.

Один из важных выводов исследования по *незападному регионализму* заключается в том, что более формализованные региональные организации не обязательно позволяют сотрудничать более эффективно. Если оценивать эффективность неевропейских региональных организаций именно с точки зрения их изначальных целей (сохранение суверенитета), то *слабые* (по сравнению с европейскими) институты помогли *слабым* государствам легитимизировать свой суверенитет, то есть *функцию свою выполнили*.

ШОС: ШАНХАЙСКИЙ ДУХ

Если оценивать эффективность ШОС по развитости ее структур и их функциональности, то становится очевидно, что эта организация типологически ближе к неинституционализированным объединениям типа *Группы восьми* или *Группы двадцати*, чем к ЕС или ОБСЕ. И если считать, что целями ШОС являются не столько официально декларируемая борьба с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом, сколько создание удобной площадки для многостороннего согласования интересов и обмена мнениями, то аморфная *форумная* структура вполне отвечает этим задачам благодаря гибкости множества форматов и уровней взаимодействия¹¹. Точно так же успехи СНГ как *интеграционного* объединения выглядят не слишком впечатляюще, однако, если мы будем рассматривать Содружество как дезинтеграционное объединение, то его деятельность можно признать достаточно эффективной и соответствующей поставленным целям.

Интересными являются выводы Ачарии и Джонстона относительно идеологий региональных объединений. Если НАТО и ЕС имеют в своей основе либеральную идеологию, которая подразумевает либерально-демократическое управление и многостороннее и мирное разрешение конфликтов, то в остальных исследуемых случаях основной идеологией региональных объединений, особенно на этапе создания, были разные формы пан-континентализма (панарабизм, панафриканизм и так далее). В отличие от ЕС и НАТО, для *незападных* региональных организаций характерно идеологическое разнообразие государств-членов, а демократическая политическая система не является критерием членства.

На Западе ШОС имеет имидж *ОПЕК с бомбами* и *клуба диктаторов*, однако, сама организация настаивает на том, что государства-члены ШОС строят новую, неконфронтационную модель межгосударственных отношений, благодаря которой можно преодолеть мышление времен холодной войны. Члены ШОС настолько различаются по своим размерам, населению, ресурсам, цивилизационной принадлежности, что найти единую идейную основу для деятельности организации непросто, что и наталкивает западные страны на обобщения в духе биполярного противостояния. Тем не менее, можно признать удачной формулу взаимоотношений, называемую *шанхайским духом* (взаимное

доверие, взаимная выгода, равенство, взаимные консультации, уважение многообразия культур, стремление к совместному развитию), которая, по мнению членов ШОС, «обогатила теорию и практику современных международных отношений»¹². Кроме того, ШОС настаивает на необходимости уважения «многовариантности путей развития» и на том, что «конкретные модели общественного развития не могут становиться предметом экспорта»¹³.

Следует отметить, что, призывая преодолеть идеологические различия, страны-участницы ШОС на деле сами предлагают именно идеологизированный проект, который может найти сторонников из числа стран, не в полной мере соответствующих стандартам западной либеральной демократии, при этом недовольных американской политикой в том или ином регионе. Таким образом, потенциал влияния и привлекательность ШОС как региональной организации для потенциальных членов заключается не столько в сфере борьбы с новыми вызовами и угрозами и даже не в решении экономических и энергетических проблем региона, сколько в наличии *мощного идейного основания деятельности*, которое может составить реальную конкуренцию как утрачивающему популярность на фоне относительного ослабления США либеральному проекту, так и исламскому проекту (часть членов и наблюдателей ШОС являются исламскими странами). В результате мирового финансово-экономического кризиса привлекательной может стать и экономическая модель *государственного капитализма* членов ШОС. Если описывать эти идейные основания деятельности ШОС в терминах западной политической науки, то речь идет о продвижении на международной арене идей «авторитарного капитализма»¹⁴ в качестве альтернативы американскому проекту неолиберальной глобализации, а также «нелиберальной демократии»¹⁵ в противовес глобальной демократизации по американскому образцу.

МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА: ЭВОЛЮЦИЯ В НЕПРАВИЛЬНОМ НАПРАВЛЕНИИ?

Еще одним интересным параметром анализа в теории институционального дизайна является учет опыта других региональных организаций при выборе и развитии замысла создаваемой организации. В качестве примера изначальной ориентации на чужой опыт можно привести созданное Н.А. Назарбаевым Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), образцом для которого послужила ОБСЕ. Что касается ОДКБ и ШОС, то здесь речь вряд ли может идти об изначальном рациональном выборе модели для институциональной структуры, однако у обеих организаций есть внешние ориентиры для развития. В случае ОДКБ таким ориентиром является НАТО, официального диалога с которой ОДКБ добивается с 2004 г. В случае ШОС ориентиры менее очевидны. С одной стороны, ШОС типологически близка АСЕАН с ее *форумным* характером взаимодействия. С другой стороны, в последнее время китайские исследователи начинают высказывать мысли о том, что моделью развития для ШОС может послужить Евросоюз, где взаимодействие идет по самому широкому кругу вопросов. В западной публицистике и аналитике распространено сравнение ШОС с НАТО, однако Альянс никоим образом не рассматривается самими странами ШОС как модель для подражания.

В настоящее время ОДКБ по форме и содержанию больше, чем ШОС, ориентирована на западные образцы сотрудничества в сфере безопасности (ЕС, НАТО), более открыта, несмотря на то, что фактически является военным блоком. ШОС же больше соответствует азиатской модели интеграции. Казалось бы, в таком случае на Запад проще *продать* (то есть наладить институционализированное взаимодействие с НАТО и ЕС) именно скроенную по европейским образцам ОДКБ, чем претендующую на глобальное влияние ШОС. Однако *узнаваемость* в мире на порядок выше у ШОС, чем у ОДКБ, хотя, как указывалось ранее, в случае ШОС речь часто идет о не слишком положительном имидже. Что же касается восприятия ШОС самими государствами-участниками, то они считают членство в ней более значимым, чем участие в ОДКБ (при совпадающем членстве). Свидетельством тому может служить и желание вступить в ШОС со стороны Белоруссии, которая недавно получила статус партнера ШОС по диалогу.

В настоящее время основным *козырем* ШОС Россия и другие страны-члены считают *потенциал влияния* организации, который образуется путем механического сложения национальных ресурсов. Цифры по общей площади и населению членов ШОС, которые озвучиваются на всех форумах и научных конференциях, действительно впечатляют, но напомним, что целое должно быть всегда больше простой суммы составных частей. В настоящее же время бюджет ШОС покрывает только деятельность Секретариата и региональной антитеррористической структуры (РАТС), совместные же мероприятия проводятся главным образом на двухсторонней основе. То есть ШОС является удобной площадкой для достижения договоренностей по отдельным вопросам в нужной конфигурации участников. ШОС – это региональная организация глобального значения за счет участия стран, все действия которых автоматически оцениваются с точки зрения их влияния на мировые и региональные процессы (Россия, Китай, Индия, Пакистан, Иран). Таким образом, опять-таки речь идет о значимости и влиятельности *членов организации*, но не самой организации. При этом сама ШОС достаточно объективно оценивает свои возможности: так, в декларации Ташкентского саммита (10–11 июня 2010 г.) отмечается, что «за прошедшие с момента основания годы ШОС стала важным фактором региональной и международной архитектуры безопасности и сотрудничества, зарекомендовала себя в качестве эффективного и открытого многостороннего объединения». То есть речь идет о ШОС не как об одном из *элементов* архитектуры безопасности, а лишь как о *факторе*.

Однако вопреки логике европоцентричных теорий интеграции практика регионально-сотрудничества на постсоветском пространстве последних лет показала, что ШОС не развивается в сторону большей институционализации. При этом ОДКБ, наоборот, движется в направлении большей гибкости структур и форматов: с 2008 г. возник институт неформальных саммитов ОДКБ для консультаций и согласования позиций без документального оформления решений; изменены уставные документы для создания возможностей гибкого реагирования на изначально не заложенные в Договоре о коллективной безопасности ситуации и для отхода от жесткой дисциплины консенсуса при принятии решений.

ПОТЕНЦИАЛ СОТРУДНИЧЕСТВА С НАТО ПОСЛЕ ПРИНЯТИЯ НОВОЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

19–20 ноября 2010 г. в Лиссабоне прошел саммит НАТО, по оценкам генсека Андерса Фог Расмуссена, один из самых успешных за всю историю организации. Значимым этот саммит стал и для России: как указано в пункте 33 новой стратегической концепции Альянса, «НАТО не представляет угрозы для России» и будет стремиться развивать «подлинное стратегическое партнерство» между Россией и НАТО, ожидая такой же политики от Москвы¹⁶. Множество комментариев получит, вероятно, и предложение НАТО сотрудничать с Россией в создании европейской системы противоракетной обороны. Однако, прежде всего, хотелось бы обратить внимание на разделы стратегической концепции, которые могут иметь значение для развития отношений Альянса с ОДКБ и ШОС. В документе указано, что обеспечение евроатлантической безопасности лучшим образом может быть обеспечено благодаря «широкой сети партнерских отношений со странами и организациями по всему миру» (статья 28). При этом предлагается усилить партнерские отношения посредством *гибких форматов* в рамках и за рамками существующих структур взаимодействия.

Этот подход перекликается с продвигаемой С.В. Лавровым с 2006 г. концепцией *дипломатии гибких альянсов*, или *сетевой дипломатии*, под которой министр иностранных дел понимает «не громоздкие союзы с фиксированными обязательствами, а целевые альянсы по интересам с изменяющейся геометрией»¹⁷. Позднее данная формула была закреплена и в Концепции внешней политики России 2008 г.: «На смену блоковым подходам к решению международных проблем приходит сетевая дипломатия, опирающаяся на гибкие формы участия в многосторонних структурах в целях коллективного поиска решений общих задач»¹⁸.

Напомним, что с 2004 г. ОДКБ пытается установить официальные контакты с Альянсом, однако НАТО не торопится с институционализацией отношений, ссылаясь на возможность двусторонних обсуждений проблем безопасности с отдельными странами в рамках Совета Россия-НАТО и программы Партнерство ради мира, а на деле считая ОДКБ малозффективной креатурой Москвы, что еще раз было подтверждено недавней утечкой американской дипломатической переписки¹⁹. Если же НАТО действительно нацелена на развитие гибких форм взаимодействия, то ОДКБ может добиться своей цели. Конечно, Альянс не пойдет на полноценное сотрудничество на уровне организаций, однако взаимодействие по конкретным проектам вполне в духе новой стратегической концепции.

В настоящее время для НАТО одним из главных вопросов на повестке дня является проблема афганского урегулирования. Взаимодействие Альянса с ОДКБ может вывести региональное сотрудничество по афганской проблеме на новый уровень. Наиболее успешным проектом ОДКБ, безусловно, считается оперативно-профилактическая операция *Канал* по перехвату афганского наркотрафика, которая с каждым годом набирает обороты и привлекает все больше наблюдателей, включая значительное число членов НАТО. Если начать взаимодействие двух организаций *снизу*, с конкретных сфер, то это позволит путем решения совместных оперативных задач постепенно отойти от логики конфронтации и взаимных подозрений и прийти к тому самому *подлинно стратегическому партнерству*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представляется, что повышение эффективности регионального сотрудничества в сфере безопасности на постсоветском пространстве в ближайшие годы могло бы пойти не по пути *дифференциации функций* существующих организаций, а в направлении *объединения усилий* ОДКБ и ШОС вплоть до создания подобия коалиции ОДКБ и ШОС для решения конкретных задач в сфере борьбы с новыми вызовами и угрозами. ОДКБ имеет реальные механизмы борьбы с новыми вызовами и угрозами: КСОР для реагирования на возникновение локальных или пограничных вооруженных конфликтов, для отражения террористической угрозы, проведения спецопераций; КСБР для реагирования на угрозы безопасности в Центральноазиатском регионе; комплексная оперативно-профилактическая операция *Канал* для пресечения наркотрафика из Афганистана; ежегодные операции *Нелегал* по предотвращению миграции из третьих стран и так далее. ШОС же, хотя и создавалась как организация по борьбе с новыми вызовами и угрозами, в настоящее время сосредоточилась на решении общеполитических и экономических вопросов и не имеет практических совместных механизмов и структур для реагирования на угрозы безопасности. Вместе с тем, создание коалиции ОДКБ и ШОС по противодействию афганской угрозе может иметь значимые преимущества для обеих организаций в случае объединения реально работающих механизмов ОДКБ с международно-политическим весом ШОС.

Создание реально работающего механизма принятия совместных решений в рамках коалиции ОДКБ и ШОС станет сложной правовой и политической задачей. Вместе с тем, пересекающийся состав членов фактически сведет основные дискуссии к обсуждению готовности Китая взаимодействовать со структурами ОДКБ. При создании общих механизмов или структур придется также принимать во внимание несколько скептическое отношение ОДКБ и ШОС друг к другу.

ОДКБ и ШОС могли бы объединить свои ресурсы для борьбы с *афганской угрозой* в рамках зоны своей ответственности без размещения контингентов на территории Афганистана. В среднесрочной перспективе, в связи с постепенным выводом войск международной коалиции из Афганистана и передачей всей полноты управления местным властям, неизбежно произойдет рост объема наркотрафика и увеличится риск дестабилизации обстановки в Центральноазиатском регионе. В настоящее время Запад и, в частности, НАТО пытаются переложить на Россию часть будущей ответственности по обеспечению региональной стабильности и борьбе с наркотрафиком. Однако ни Россия, ни другие члены ОДКБ или ШОС не готовы и не будут готовы отправить контингенты для участия

в операциях на территории Афганистана. Кроме того, предложение Альянса о потенциальном участии России в афганской миссии вызвало в самом Афганистане негативную реакцию: местное экспертное сообщество разделяет мнение, что российское участие приведет к мобилизации и объединению разнородных сил для борьбы с Россией, чтобы *отомстить за прошлое*²⁰.

Основными задачами коалиции ОДКБ и ШОС на афганском направлении могут стать:

- борьба с наркотрафиком;
- противодействие вылазкам исламистских экстремистов с территории Афганистана в соседние страны с целью дестабилизации обстановки в Центральноазиатском регионе;
- усиление режима пограничного контроля, *запечатывание* границы в случае необходимости;
- оказание технической поддержки – помощь в создании инфраструктуры на территории Афганистана, обучение сотрудников таможенных, пограничных, антинаркотических и прочих служб, военно-техническое сотрудничество.

При этом представляется целесообразным формирование коалиции не из отдельных государств-членов, а именно коалиции региональных организаций – ОДКБ и ШОС. Несмотря на то, что пересекающийся состав организаций во многом снижает эффект от создания коалиции, участие в совместных действиях именно организаций, а не отдельных государств позволит повысить престиж ОДКБ и ШОС на международной арене. Хотя военное участие ШОС в совместных региональных действиях по нейтрализации афганской угрозы маловероятно, нужно учитывать, что именно ШОС, а не ОДКБ рассматривается на Западе как значимый региональный игрок. ОДКБ же воспринимается как организация, еще не доказавшая на деле свою эффективность. Участие ШОС в региональной коалиции придаст последней большую легитимность и значимость в глазах мирового сообщества. Кроме того, задействование созданных в рамках ОДКБ КСБР, а также КСОР в борьбе с возможными вылазками экстремистов на территории государств Центральной Азии позволит продемонстрировать реальные возможности ОДКБ по реагированию на новые вызовы и угрозы, что создаст предпосылки для более широкого международного признания эффективности ОДКБ. Именно отсутствие реальных, а не *учебных* достижений мешает установлению ОДКБ официальных отношений на уровне организаций с ЕС и НАТО. 🗨️

Примечания

¹ Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан и Узбекистан состоят в обеих организациях. Помимо названных государств, в ОДКБ состоят Белоруссия и Армения, в ШОС – Китай, в качестве наблюдателей – Монголия, Индия, Пакистан и Иран, в качестве партнеров по диалогу – Белоруссия и Шри-Ланка.

² Крамник И. Учения ШОС – подготовка к экзамену. *РИА Новости*. 2010, 16 сентября. <http://www.rian.ru/analytics/20100916/276184909.html> (последнее посещение – 8 ноября 2010 г.).

³ Учение ОДКБ начинается в Челябинской области. *РИА Новости*. 2010, 25 октября. http://www.rian.ru/defense_safety/20101025/288947610.html (последнее посещение – 8 ноября 2010 г.).

⁴ Сатпаев Д. Учения ОДКБ в Казахстане адресованы *Талибану*. *РИА Новости*. 2009, 16 октября. <http://www.rian.ru/analytics/20091016/189184145.html> (последнее посещение – 8 ноября 2010 г.).

⁵ Началась активная фаза учений стран ШОС «Мирная миссия-2010». *РИА Новости*. 2010, 24 сентября. http://www.rian.ru/defense_safety/20100924/278754495.html (последнее посещение – 8 ноября 2010 г.).

⁶ Декларация десятого заседания Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. Ташкент, 2010, 10–11 июня. <http://www.sectsc.org/RU/show.asp?id=395> (последнее посещение – 8 ноября 2010 г.).

⁷ Институт неформальных саммитов в рамках ОДКБ начал формироваться после конфликта в Южной Осетии в августе 2008 г.: первая встреча подобного формата прошла в Боровом (Казахстан) 19–21 декабря 2008 г.

⁸ ОДКБ делает ставку на быстрое реагирование. *InfoRos*. 2010, 17 декабря. <http://inforos.ru/ru/?module=news&action=view&id=26802> (последнее посещение – 27 декабря 2010 г.).

⁹ *Crafting Cooperation: Regional Institutions in Comparative Perspective*. Ed. by Amitav Acharya and Alastair Iain Johnston. NY: Cambridge University Press, 2007. P. 318.

¹⁰ *Ibid.*, p. 255–268.

¹¹ В ШОС существует многоуровневая система участия в деятельности организации: полноценное членство (Китай, Россия, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия), статус наблюдателя (Монголия, Иран, Индия, Пакистан), партнера по диалогу (Белоруссия, Шри-Ланка), а также гостя саммита (Афганистан, Туркменистан).

¹² Декларация пятилетия Шанхайской организации сотрудничества. Шанхай, 2006, 15 июня. <http://www.sectSCO.org/html/00952.html> (последнее посещение – 8 ноября 2010 г.).

¹³ Там же.

¹⁴ Термин *авторитарный капитализм* обычно используется для описания стран Латинской Америки и Азии.

¹⁵ Термин *нелиберальная демократия* был введен в научный оборот в 1995 г. авторами книги «К нелиберальной демократии в АТР» (Bell D. *Towards Illiberal Democracy in Pacific Asia*. London: Macmillan, 1995.), однако широкое употребление в научных кругах получил только после статьи 1997 г. Фаарида Закарии «Подъем нелиберальной демократии» (Zakaria F. *The Rise of Illiberal Democracy*. *Foreign Affairs*. 1997, November/ December). Согласно Закарии, в странах нелиберальной демократии при соблюдении принципов демократии – наличии выборов – нарушаются принципы конституционного либерализма: отсутствует правовое государство и не соблюдаются права человека.

¹⁶ Strategic Concept For the Defence and Security of The Members of the North Atlantic Treaty Organisation, Lisbon, 2010, 19–20th of November <http://www.nato.int/lisbon2010/strategic-concept-2010-eng.pdf> (последнее посещение – 20 ноября 2010 г.).

¹⁷ Умеренков С. Министр иностранных дел России Сергей Лавров: «Сетевая дипломатия сейчас востребована как никогда». *Известия*, 28.12.2006. <http://www.izvestia.ru/politic/article3099901/> (последнее посещение – 20 ноября 2010 г.).

¹⁸ Концепция внешней политики Российской Федерации от 12 июля 2008 года <http://www.mid.ru/ns-osndoc.nsf/4e5fa867101effb4432569fa003a705a/d48737161a0bc944c32574870048d8f7?OpenDocument> (последнее посещение – 20 ноября 2010 г.).

¹⁹ NATO Secretary General Ready to Reach Out to CSTO? *Aftenposten*. 2011, 11 February. <http://www.aftenposten.no/spesial/wikileaksdokumenter/article4025429.ece> (последнее посещение – 1 апреля 2011 г.).

²⁰ К такому выводу пришли участники круглого стола, организованного в эфире Национального телевидения Афганистана, в частности, среди них эксперт и политик Вахид Можда, бывший министр иностранных дел в правительстве талибов мулла Вакиль Ахмад Мотавакиль. Подробнее о данном круглом столе см. доклад «Акценты» от 02.03.2010, подготовленный Центром изучения современного Афганистана.

